

Айзенштадт Сергей Абрамович

А. РУТИН, П. ВИНОГРАДОВ, М. ШАПИРО: РУССКАЯ ФОРТЕПИАННАЯ ШКОЛА В ФОРМИРОВАНИИ ЯПОНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена российским пианистам, эмигрировавшим в Японию после революции 1917 г. Обозначен вклад А. Рутин, П. Виноградова и М. Шапиро в японскую музыкальную культуру. Ряд аспектов их деятельности впервые рассмотрены в отечественной научной литературе. Показана связь их работы в Японии с традициями русской пианистической школы. Сделан вывод, что музыканты продолжали ощущать себя частью русского пространства и, вместе с тем, воспринимали культуру Японии как во многом близкую. Последнее связывается с базовыми чертами русского культурного сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-29. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

19. **О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши** // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1916. № 348. Ст. 2970-2971, 3797-3798.
20. **О запрещении привоза предметов роскоши** // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 15. С. 237-238.
21. **Обзор печати** // Промышленность и торговля. 1916. № 13 (215). 26 марта.
22. **Открытое заседание 58 17 июня 1916 года** // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Четвертая сессия. Пг., 1916. Стб. 5596.
23. **Речь**. 1917. 1 января.
24. **Стенографический отчет заседаний соединенных комиссий бюджетной и финансовой 4, 5 и 6 августа 1915 года** // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Четвертая сессия. 19 июля – 3 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 1-121.
25. **Утро России**. 1917. 1 января.
26. **Хроника городской жизни** // Городское дело. 1917. № 1. С. 23-43.

LUXURY IN THE RUSSIAN SOCIETY IN PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS

Ageeva Elena Andreevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation
Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

In the article the attempts of luxury consumption control made by the Russian state and society in the period of the First World War are considered. Special attention is paid to controversy about the import of luxury articles into the territory of Russia. In the work the peculiarities of the luxury institution of the Russian society of the beginning of the XX century and the period of the First World War are also analyzed. Some historical sources are introduced into scientific use by the author for the first time. The work is of interdisciplinary type, it is written at the junction of social, historical and economic sciences.

Key words and phrases: luxury; the First World War; economic policy of state; prohibition of luxury articles importation; consumption control; institution of luxury; discussion in society.

УДК 78.071

Искусствоведение

Статья посвящена российским пианистам, эмигрировавшим в Японию после революции 1917 г. Обозначен вклад А. Рутин, П. Виноградова и М. Шапиро в японскую музыкальную культуру. Ряд аспектов их деятельности впервые рассмотрены в отечественной научной литературе. Показана связь их работы в Японии с традициями русской пианистической школы. Сделан вывод, что музыканты продолжали ощущать себя частью русского пространства и, вместе с тем, воспринимали культуру Японии как во многом близкую. Последнее связывается с базовыми чертами русского культурного сознания.

Ключевые слова и фразы: Япония; фортепиано; русская фортепианная школа; эмиграция; Павел Виноградов; Александр Рутин; Максим Шапиро.

Айзенштадт Сергей Абрамович, к. искусствоведения, профессор
Дальневосточная государственная академия искусств
mail@dv-art.ru

А. РУТИН, П. ВИНОГРАДОВ, М. ШАПИРО: РУССКАЯ ФОРТЕПИАННАЯ ШКОЛА В ФОРМИРОВАНИИ ЯПОНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Настоящая статья посвящена трем российским пианистам, бежавшим от бедствий, порожденных российской революцией 1917 года, и связавшим свой жизненный и творческий путь с Японией. В данной работе предпринята попытка обозначить вклад, который эти музыканты внесли в становление японской музыкальной культуры, показать их связь с традициями русской пианистической школы, а также уточнить ряд биографических аспектов.

Выдающееся место А. Рутин, В. Виноградова и М. Шапиро в развитии музыкального искусства Страны восходящего солнца признается японскими и европейскими исследователями. В то же время, в нашей стране их деятельность до сего времени не получила должного освещения. Некоторые данные о японском периоде деятельности А. Рутин и П. Виноградова имеются в российской научной литературе. Сведений о творческой биографии М. Шапиро в отечественных источниках нам найти не удалось¹.

Наряду с Китаем, Япония явилась в 20-е и 30-е годы двадцатого столетия важнейшим центром русской дальневосточной эмиграции. Русская диаспора Страны Восходящего солнца в тот период составляла около полутора тысяч человек [4, с. 125].

Главным центром продвижения фортепианного искусства в Японии этих лет являлся Токио, где располагалось старейшее и крупнейшее музыкальное учебное заведение в стране – Токио онгаку гакко. Однако устройство на работу было сопряжено с огромными трудностями. Иностранцы могли работать в Токио онгаку гакко лишь по правительственному приглашению. При этом в первые десятилетия XX столетия безоговорочное предпочтение оказывалось немецким и австрийским музыкантам. Правда, среди иностранцев, преподававших тогда в главном центре японского музыкального образования, имелись и музыканты с русскими культурными корнями. В их числе пианисты Р. Кёбер, Л. Коханьский, Л. Сирота, Л. Д. Крейцер. Однако приглашались они в качестве представителей скорее германской и австрийской музыкальной культуры². Более благоприятной для пианистов из России была обстановка в городах интенсивно развивавшегося региона Кансай – Осаке, Кобе, Такарадзукэ и др. Там, по словам японских и европейских исследователей, «влияние российских музыкантов и российской музыки было сильнее, чем в Токио» [12].

Первым русским музыкантом-эмигрантом, обосновавшимся в Стране восходящего солнца, называют пианиста *Александра Михайловича Рутин* [Ibidem]. Сведений об его творческом пути на Родине нам удалось собрать сравнительно немного. В трудах, основанных на японских данных, А. Рутин называют выпускником «Консерватории Ростова-на-Дону» и датируют его годы жизни 1865-1932 гг. Сообщается также, что в 1927 г. А. М. Рутин отметил в Японии 50-летие творческой деятельности [Ibidem]. Единственным музыкальным учебным заведением Ростова-на-Дону соответствующей эпохи, которое в какой-то мере отвечало требуемому статусу, можно считать Музыкальные классы, организованные под эгидой Императорского Российского Музыкального Общества (ИРМО) в 1894 г. [6, с. 43]. Однако, исходя из приведенной ранее даты полувекового юбилея пианиста, можно заключить, что ко времени открытия этого учебного заведения он имел уже семнадцатилетний стаж творческой деятельности. Вместе с тем, в 1896-1898 гг. среди преподавателей Ростовских Музыкальных классов ИРМО А. М. Рутин числился [Там же, с. 58]. Имеются также сведения о концерте пианиста А. М. Рутин в Ростове-на-Дону, датированном ещё 1892 г. [Там же, с. 171]. Таким образом, японские данные о «ростовских корнях» А. М. Рутин верны. Однако возможно, что профессиональное учебное заведение он всё же не окончил, а музыкальное образование получил, занимаясь частным образом. Вполне вероятно также, что Рутин учился в Музыкальных классах, но к тому времени был уже достаточно сложившимся музыкантом.

Согласно российским источникам, в начале XX столетия Александр Михайлович переехал в Екатеринодар, где в 1906-1907 годах возглавил Музыкальные классы ИРМО [9, с. 106]. Далее следы его деятельности обнаруживаются в Армавире, где в 1909 г. А. М. Рутин основал музыкальную школу. Его педагогическая работа здесь была весьма успешной: некоторые выпускники поступили в Петербургскую консерваторию [3]. После революции 1917 г. пианист обнаруживается в Хабаровске, где в декабре 1917 г. открывает собственную музыкальную школу. Деятельность его в этот период получает большой общественный резонанс. Как отмечает Л. Матвеева, «судя по откликам в местной печати, А. М. Рутин был блестящим пианистом и хорошим педагогом» [5, с. 69].

На основании приведенных данных о российском этапе жизни пианиста можно заключить, что ко времени эмиграции Александр Михайлович Рутин был зрелым музыкантом, соединившим значительный опыт исполнительской и педагогической работы.

В 1919 году А. М. Рутин эмигрировал в Японию. Он обосновался в портовом городе Кобе, где к тому времени поселилось свыше 200 русских [4, с. 131] и основал музыкальную школу, куда принимали русских и японских детей [7, с. 221]. Первый русский музыкант, поселившийся в регионе Кансай, проложил дорогу многим коллегам из России. Так, вслед за Рутиным, собственную музыкальную школу открыла в Кобе известная на Дальнем Востоке России пианистка, выпускница Петербургской консерватории Е. Гринберг-Хуциева [16, р. 109]. Важную роль в музыкальной культуре Японии сыграли и другие российские музыканты, обосновавшиеся в Кансай позднее. Среди них дирижер Эммануэль Меттер, скрипачи Александр Могилевский, Евгений Крейн, М. Векслер и др. [12].

Приносила плоды и работа самого Рутин. Среди его учеников в Кобе – известные в Японии музыканты М. Миямото, Н. Китамура, Х. Косуги [7, с. 221], крупный композитор и дирижер Озава Хисато [12]. Пианист продолжал и концертные выступления. При этом его исполнительская деятельность, как правило, была связана с Россией. Так в 1922 году Рутин вместе с японскими музыкантами провел благотворительный концерт в рамках международной компании помощи голодающим СССР. В 1927 году на концертах в честь полувекового юбилея творческой деятельности, прошедших в Осаке и Кобе, пианист, совместно со скрипачом А. Могилевским и виолончелистом Генрихом Веркмейстером, исполнил Трио П. И. Чайковского [Ibidem].

С судьбами «русской Японии» была связана общественная деятельность Рутин. Его дом стал центром притяжения для российских музыкантов. Часто встречи происходили в прибрежном городе Асия, где Рутин, как и другие эмигранты, летом снимал дачу. В числе его гостей были и пианисты, работавшие в Токио, в частности, Лео Сирота, нередко приезжавший в Кобе и другие города области Кансай с концертами и мастер-классами. Результатом подобных встреч стало создание в 1929 году Общества русских музыкантов в Японии [Ibidem]. Пионер русской музыкальной эмиграции оказывал деятельную помощь российским артистам, прибывающим в Страну восходящего солнца. Так в 1930 году он поручился за А. Могилевского, представившись его родным братом [2, с. 257]. Александр Михайлович Рутин скончался в 1932 году и похоронен вместе со своей супругой в Кобе, на кладбище для иностранцев [7, с. 221].

В 1921 году в Японии обосновался еще один пианист из России, значительно более известный, чем А. Рутин. Это *Павел Михайлович Виноградов*, характеризуемый И. Сухи как первый русский пианист-

виртуоз, поселившийся в Японии, и один из первых подлинных фортепианных виртуозов, появившихся в Стране восходящего солнца [15, р. 319].

П. М. Виноградов родился в 1888 году в Польше. В 1897 году поступил в Парижскую консерваторию, где два года занимался в классе Эмиля Декомба и был близким товарищем А. Корто [Ibidem]. В 1911 году с серебряной медалью окончил Московскую консерваторию по классу К. М. Игумнова [2, с. 255]. После завершения обучения решением Российского Императорского Музыкального Общества он был назначен директором Томского музыкального училища. В 1915 году музыкант переехал во Владивосток, где руководил музыкальной школой, работавшей по консерваторской программе [5, с. 53]. Исполнительская работа П. М. Виноградова во Владивостоке была чрезвычайно активна. Не ограничиваясь исполнением традиционного репертуара, пианист включал в свои программы собственные сочинения, а также произведения композиторов-новаторов, незнакомые провинциальному слушателю, в частности, А. Н. Скрябина [2, с. 256].

Переселившись в Японию, музыкант решил обосноваться в Иокогаме, портовом городе вблизи от Токио. Он активно гастролировал, пытался осуществить различного рода музыкально-организаторские проекты. Выступления Виноградова имели большой успех. Особый интерес вызывало его исполнение сочинений русских композиторов, и прежде всего А. Н. Скрябина – композитора, в ту пору весьма мало знакомого широкой публике Японии [15, р. 321]. Планы П. М. Виноградова разрушило катастрофическое землетрясение 1923 года, практически полностью разрушившее Токио и Иокогаму. Пианист вернулся во Владивосток, где опять попытался заняться преподавательской работой [2, с. 256].

В 1924 году музыкант вновь покидает Россию. В Королева замечает, что след его «надолго теряется», предположив, что музыкант поселился в Китае [Там же]. Однако И. Сухи сообщает, что П. М. Виноградов направился совсем в другую сторону. Пианист занялся гастрольной деятельностью в Австралии, Новой Зеландии и территориях, находящихся в географическом пространстве нынешней Индонезии [15, р. 320]. Выбор региона, по всей вероятности, объясняется личными причинами. В 1917 году Виноградов сочетался браком с гражданкой Австралии [Ibidem]. По всей вероятности, эта страна и послужила главным местом пребывания русского пианиста. На этом этапе творческой биографии неотъемлемой чертой гастрольной деятельности Виноградова было неустанное стремление к пропаганде русской музыки, в частности – А. Скрябина. Восторженная рецензия 1924 г. в сиднейской газете на концерт Виноградова в этом австралийском городе свидетельствует, что российский музыкант, две недели назад прибывший из Японии, представил на суд публики опусы Л. Бетховена, Ф. Шопена, А. Н. Скрябина, а также собственные произведения [17]. В газетном отзыве на сиднейский концерт 1931 г. пианист, по мнению рецензента, продемонстрировал «тлеющее пламя страсти» и «славянский темперамент» во Второй и Третьей сонатах Скрябина [11]. В рецензии малайской газеты «The Straits Times» 1937 г. особо отмечено исполнение Прелюдии *cis-moll* и Мелодии *E-dur* С. Рахманинова [18].

В 1937 г. Виноградов возвратился в Японию. Разумеется, выдающийся пианист стремился преподавать в главном музыкальном учебном заведении страны – Токио Онгаку гакко. Однако вакансий не было. При помощи Л. Сироты ему удалось устроиться в токийский колледж Мусашино [15, р. 320]. Позднее музыкант получает работу и в других учебных заведениях: Восточном музыкальном институте, Ниппонском университете (Ниппон Дайгаку) и др. [2, с. 257], а также приобретает значительную частную практику. В этот период ярко раскрылась новая грань педагогического таланта Виноградова. Он проявил себя как выдающийся детский педагог. Музыкант составлял и издавал сборники пьес для учащихся, где материал располагался по возрастающей трудности. Наряду с западными сочинениями там были широко представлены произведения русских композиторов, а также его собственные инвентивные опусы [15, р. 321].

Музыкант не оставлял и занятий композицией. Автору настоящей статьи к настоящему времени не удалось ознакомиться с нотами сочинений Виноградова. Однако столь авторитетный специалист по японской музыкальной культуре как И. Сухи достаточно высоко оценивает его опусы, подчеркивая, что автор стремился синтезировать достижения европейской композиторской техники с интонациями традиционной музыки Японии. По мнению И. Сухи, среди японских сочинений Виноградова особо выделяется основанная на китайской легенде трехчастная симфоническая композиция «Насуно» для хора и оркестра, созданная в 1948 году [Ibidem].

Плодотворная работа Виноградова в Японии продолжалась до его кончины, последовавшей в 1974 году. Среди его воспитанников – многие крупные деятели японской музыкальной культуры: дирижер и композитор Фукудо Кацуо, фортепианный педагог Кобаяси Ёсио и др. Японские ученики бережно чтят память своего русского учителя и в наши дни. Ученица Виноградова Сайто Акико в течение четверти века дважды в год проводила концерты, посвященные памяти русского пианиста [Ibidem].

В 1927 году в Иокогаму прибыло музыкальное семейство Шапиро – двоюродные братья Константин и Максим и жена Константина Лидия. Константин был виолончелистом, Лидия и Максим – пианистами [14, р. 29]. Все трое быстро вписались в местную музыкальную жизнь. Константин начал концертную деятельность, Лидия открыла в Иокогаме музыкальную школу. Наибольший вклад в развитие искусства Страны восходящего солнца внес Максим Шапиро, ставший одной из наиболее крупных фигур фортепианной культуры Японии 20-х и 30-х годов прошлого столетия.

Максим Шапиро (1898-1958) вырос в Москве, учился в Московской консерватории у Н. Метнера [Ibidem, р. 69]. Выходцы из России, Константин и Максим Шапиро после революции эмигрировали в Германию и прибыли в Японию из Берлина. Главной причиной решения двоюродных братьев оставить Европу было, по словам сына К. Шапиро, ощущение недостаточной творческой востребованности. Основным заработком Максима была игра в ресторанах и кинотеатрах, а также частные уроки для отстающих студентов Берлинской консерватории [Ibidem].

В Японии ситуация была совсем иной. М. Шапиро, поселившись в Кобе, практически сразу завоевал широкую популярность как исполнитель и преподаватель. Он выступал как солист, в камерном ансамбле со своим двоюродным братом и другими артистами, аккомпанировал певцам. В числе выдающихся музыкантов, выступавших с М. Шапиро, были гастролировавшие в Японии виолончелисты Морис Марешаль и Борис Ласс. Постоянным партнером российского пианиста являлся крупнейший японский оперный певец того времени Фудзивара Ёсио. В концертных выступлениях пианиста часто звучала русская музыка: фортепианные пьесы А. Рубинштейна, А. Лядова и др. Важную роль в его исполнительской деятельности играла и музыка японских композиторов. Он исполнял сочинения Ямады Косаку [1, с. 586], часто аккомпанировал японским песням в совместных выступлениях с Фудзивара Ёсио³.

Длительным и плодотворным было сотрудничество М. Шапиро с Симфоническим оркестром г. Такарадзука – города, расположенного близ Кобе. Йозеф Ласка, основатель и главный дирижер этого коллектива, охотно приглашал в качестве солистов музыкантов из России. Во многом это, вероятно, было обусловлено тем, что его собственная биография была неразрывно связана с русской музыкальной культурой. Австриец по происхождению [16, р. 104], Йозеф Ласка с 1916 по 1926 гг. жил в России и несколько лет проработал во Владивостоке, оставив значительный след в музыкальной жизни города [5, с. 107]⁴. В 1934 г. Максим Шапиро исполнил с Симфоническим оркестром Такарадзука Концерт Шумана. В 1938 г. он в качестве солиста принял участие в премьере Третьего фортепианного концерта, написанного бывшим учеником А. Рутин Озавой Хисато [16, р. 109]. Оркестром г. Такарадзука в тот день продирижировал сам автор, ставший к тому времени одним из ведущих композиторов страны.

Преподавательская деятельность Шапиро была связана, главным образом, с Кобе. Наиболее ярким педагогическим достижением российского педагога в Японии следует назвать победу его ученицы Кай Мивако в первом в истории страны национальном конкурсе пианистов, организованном газетой «Майнити» в 1932 г. [13, р. 142].

М. Шапиро внес вклад и в развитие японского кинематографа. В 1930 г. он снялся в фильме «Родина» – раннем произведении будущего классика японского и мирового киноискусства Мидзогути Кэндзи. Кинолента повествует о возвращении оперного певца в родной город после долгого отсутствия. Главного героя сыграл Фудзивара Ёсио. Российский музыкант снялся в эпизодической роли, выступив в образе аккомпаниатора.

В 1939 г. М. Шапиро покинул Японию и обосновался в США, где продолжил интенсивную концертную деятельность [14, р. 30].

Подведем некоторые итоги.

Трое выдающихся пианистов, чьи творческие судьбы послужили предметом рассмотрения в настоящей статье, появились в Японии уже зрелыми, сложившимися музыкантами, сформированными в лоне русской фортепианной школы. Плодотворность их работы в Стране восходящего солнца была обусловлена как их личными качествами, так и высоким уровнем российской фортепианной культуры, ценности которой пианисты-эмигранты привнесли в страну пребывания.

Разумеется, в Японии и А. Рутин, и П. Виноградова, и М. Шапиро воспринимали, прежде всего, в качестве носителей и проводников *европейской* музыкальной культуры. Однако главные направления их деятельности были обусловлены традициями *русской* фортепианной школы. Находясь в Японии, и Рутин, и Виноградов, и Шапиро во многом продолжали ощущать себя частью российского культурного пространства. Свидетельствами этому являются те аспекты их деятельности, которые освещены в настоящей статье. Это и роль А. М. Рутин в образовании «Союза русских музыкантов», и целенаправленное включение сочинений русских композиторов в педагогические сборники, составляемые П. Виноградовым, и постоянная пропаганда русской музыки в исполнительской деятельности всех трех пианистов.

В работе этих музыкантов, волей судьбы оказавшихся в далекой, казалось бы, глубоко чужой восточной стране, проявилась родовая черта российского культурного сознания, которая как раз в эпоху, когда начиналась их деятельность в Японии, была определена мыслителями русской эмиграции, как «евразийская». Культура Страны восходящего солнца ощущалась ими не как чуждая, инородная, а скорее как родственная, во многом близкая⁵. Подтверждениями служат особое внимание к музыке японских авторов, которое проявлял М. Шапиро, «японские» черты композиторского облика П. Виноградова, наконец, та особая теплота, подлинно душевное участие, которые, по многочисленным свидетельствам японских воспитанников, все три пианиста проявляли к своим ученикам. Последнее качество в значительной мере предопределило их редкостные педагогические успехи в Стране восходящего солнца. Анализ деятельности других выдающихся представителей русской фортепианной школы, работавших в Японии в 20–40 гг. XX в. – Л. Крейцера, Л. Сироты, Л. Коханьского и др. – выходит за рамки данной работы. Однако отметим, что перечисленные качества характерны и для них.

В настоящей статье обрисованы лишь некоторые контуры многообразной деятельности русских пианистов, внесших вклад в японскую музыкальную культуру и незаслуженно мало известных на родине. Настоятельно необходимы как новые труды, связанные с отдельными представителями музыкальной «русской Японии», так и комплексные исследования, посвященные соответствующей проблематике.

Примечания

¹ Краткие упоминания об этом музыканте (без указания каких-либо биографических данных) содержатся в диссертации М. Ю. Дубровской [1, с. 586] и статье М. Тюрцевой [10].

² Рафаил Густавович Кёбер, выпускник Московской консерватории, несколько десятилетий жил и работал в Германии и воспринимался в Японии прежде всего, как немецкий специалист [13, р. 78]. Леонид Коханьский, уроженец России, до приезда в Токио преподавал в Лейпцигской консерватории. Лео Сирота воспитанник Киевской и Петербургской

консерваторий, обосновался в Австрии и был приглашен в качестве и одного из крупнейших концертирующих пианистов Вены. *Леонид Давидович Крейцер*, выпускник Петербургской консерватории, стал профессором Токио онгаку гакко после долгих лет работы в высших учебных заведениях Германии.

³ Сохранились записи сольной и ансамблевой игры М. Шапиро, сделанные во время его пребывания в Японии. Автору настоящей работы удалось обнаружить следующие: *Японские песни (Ёсиэ Фудзивара, М. Шапиро)*: Nipponophone 16 675 (зап. 1927 г.); *Японские песни (Ёсиэ Фудзивара, М. Шапиро)*: Victor BVE-42559 3/22/ (зап. 1928 г.); Victor BVE-42560 3/22/ (зап. 1928 г.); Victor BVE-42561 3/22/ (зап. 1928 г.); Victor BVE-42562 3/22/ (зап. 1928 г.); *Э. Гранадос, «Андалусия», Испанский танец № 5 (М. Марешаль, М. Шапиро)*: Nippon Columbia J5 481 (зап. 1935 г.); *К. Лядов, Прелюдии ор. 10 № 1, ор. 11 № 1, Ф. Шопен, «Тарантелла» ор. 43 (М. Шапиро)*: Nippon Columbia 28 895 (зап. 1936 г.).

⁴ По словам И. Сухи, особая любовь дирижера к России проявлялась в частом исполнении «сочинений Чайковского, Скрябина, Глинки, Глазунова и многих ныне забытых русских композиторов» [16, р. 109]. Помимо М. Шапиро, с оркестром Й. Ласки выступали русские эмигранты Е. Гринберг-Хуциева, Е. Могилевский, Е. Крейн [Ibidem].

⁵ П. Н. Савицкий, один из лидеров евразийского движения, писал в 1925 г.: «Формула «евразийства» ... устанавливает связь русской культуры с широким и творческим в своей исторической роли миром культур «азиатско-азиатских»; и эту связь выставляет как одну из сильных сторон русской культуры» [8, с. 105-106].

Список литературы

1. **Дубровская М. Ю.** Формирование японской композиторской школы и творческая деятельность Ямады Косаку: дисс. ... д. искусствоведения. Новосибирск, 2005. 642 с.
2. **Королева В. А., Курата Юка.** Русские музыканты в Японии (П. М. Виноградов и А. Я. Могилевский) // Гуманитарные исследования. Уссурийск, 1998. Вып. 2. С. 255-258.
3. **Ктигоров С. Н.** История Армавира (досоветский период) [Электронный ресурс]. URL: http://86137.ru/hist_ktitor_content.htm (дата обращения: 20.06.2014).
4. **Курата Юка.** Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав // Acta Slavica Japonica. Hokkaido University, 1996. С. 124-135.
5. **Матвеева Л. А.** Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока России (конец XVIII в. – 1980-гг.). Хабаровск: Частная коллекция, 2009. 287 с.
6. **Палкина И. Д.** Музыкальное исполнительство в Ростове и Новочеркасске XIX века (Источниковедение, история): дисс. ... к. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2001. 204 с.
7. **Подалко П. Э.** Русская колония в Кобе. Исторический обзор // Известия Восточного института. Владивосток, 1998. № 4. С. 200-225.
8. **Савицкий П. Н.** Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Наука, 1993. С. 100-114.
9. **Слепов А. А.** Музыкальные классы, музыкальное училище Екатеринодарского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО). Частные школы. Концертная и музыкально-театральная жизнь города // Слепов А. А., Ерёмченко С. И. Музыка и музыканты Екатеринодара: статьи и очерки. Краснодар: Эолывы струны, 2005. С. 103-163.
10. **Тюрцева М.** Япония и школа русской классической музыки в историческом аспекте [Электронный ресурс]. URL: www.eri-21.or.jp/russia/publication/russian/20050420.shtml (дата обращения: 20.06.2014).
11. **Brilliant Piano Recital** // Sidney Morning Gerald. 1931. May 18.
12. **Ferranti H., Tokita A.** Locating the Musics of Modern Osaka // Music, Modernity and Locality in Prewar Japan: Osaka and Beyond / ed. H. Ferranti, A. Tokita. Ashgate Publishing Limited, 2013 (Electronic book text) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ashgate.com/isbn/9781472409898> (дата обращения: 20.06.2014).
13. **Iida M.** The Acceptance of Western Piano Music in Japan and the Career of Takahiro Sonoda: a Document Submitted to the Graduate Faculty in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Musical Arts. Norman, 2009. 271 p.
14. **Shapiro I.** Edokko: Growing up a Foreigner in Wartime Japan by Isaac Shapiro. iUniverse Star, 2010. 244 p.
15. **Suchy I.** Biographische Studien zur Geschichte der europäischen Kunstmusik in Japan // Beiträge zur Japanologie, Institut für Japanologie der Uni Wien. Wien, 1991. Band 29. Teil 2. P. 314-326.
16. **Suchy I.** Versunken und vergessen. Zwei österreichische Musiker in Japan vor 1945 // Beiträge zu Geschichte und Gegenwart der österreichisch-japanischen Beziehungen. Literas Universitätsverlag. Wien, 1990. P. 89-121.
17. **Vinogradoff P.** New Russian Pianist // Sidney Morning Gerald. 1924. August 26.
18. **Vinogradoff in Recital at ZHL** // The Straits Times. 1937. April 7.
19. **Watson M.** Playing on a Grand Stage [Электронный ресурс]. URL: http://juneauempire.com/stories/081210/art_693976288.shtml (дата обращения: 20.06.2014).

A. RUTIN, P. VINOGRADOV, M. SHAPIRO: THE RUSSIAN PIANO SCHOOL IN FORMATION OF THE JAPANESE MUSICAL CULTURE

Aizenshtadt Sergei Abramovich, Ph. D. in Art Criticism, Professor
Far Eastern State Academy of Art
mail@dv-art.ru

The article is devoted to the Russian pianists, who immigrated to Japan after the revolution of 1917. The author evaluates the contribution of A. Rutin, P. Vinogradov and M. Shapiro in the Japanese musical culture. Some aspects of their activity are analyzed for the first time in domestic scientific literature. The paper shows the interrelation of their work in Japan with the traditions of the Russian piano school. The author concludes that the musicians continued to feel themselves a part of the Russian space and at the same time they perceived the culture of Japan as one in many ways near to them. The latter is related to the basic features of the Russian cultural consciousness.

Key words and phrases: Japan; piano; the Russian piano school; emigration; Pavel Vinogradov; Alexander Rutin; Maxim Shapiro.